

Европейский Суд по правам человека: обзор избранных постановлений за 2016 год

Журнал «Международное правосудие» начинает публиковать обзоры постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащие правовые позиции по вопросам, значимым для российской практики. Для настоящего выпуска отобрано 5 постановлений из числа вынесенных Судом в 2016 году. Первым рассматривается постановление по делу *Веннер (Wenner) против Германии*, которое касается нарушения запрета бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания в контексте оказания медицинской помощи в местах лишения свободы. Далее, постановление по делу *Зайя (Žaja) против Хорватии* связано с привлечением лица к ответственности за неуплату ввозных пошлин при отсутствии чёткого правового регулирования взимания таких пошлин. В постановлении *Ирина Смирнова (Irina Smirnova) против Украины* Суд изучил, может ли преследование со стороны соседей по квартире достигать уровня нарушения статьи 3 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и составлять вмешательство в право на уважение частной и семейной жизни, а в постановлении по делу *Венгерский Хельсинкский комитет (Magyar Helsinki Bizottság) против Венгрии* Большая Палата рассмотрела, может ли в определённых случаях право запрашивать информацию у государственных органов являться ключевым для охраны свободы выражения мысли. Наконец, в постановлении Большой Палаты по делу *Белане Надь (Bélané Nagy) против Венгрии* Суд ответил на вопрос о том, является ли лишение лица права на получение пенсии по инвалидности вследствие изменения законодательства нарушением статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

→ *Оказание медицинской помощи; бесчеловечное или унижающее достоинство обращение; наказание исключительно на основании закона; предсказуемость правового регулирования; уважение частной жизни; бытовое насилие; доступ к информации; право собственности; социальные выплаты и пособия*

DOI: 10.21128/2226-2059-2017-1-25-44

Постановление Европейского Суда по правам человека от 1 сентября 2016 года (вступило в силу 1 декабря 2016 года) по делу *Веннер (Wenner) против Германии (жалоба № 62303/13)*¹

Правовые категории в Постановлении: позитивное обязательство государства по защите права на достоинство; недопустимость дискриминации; свобода усмотрения государства; минимальный уровень жестокости.

Фактические обстоятельства дела. В момент подачи жалобы заявитель — Вольфганг

Адам Веннер — отбывал срок за незаконное распространение наркотических веществ в тюрьме в Кайсхайме (Kaisheim). Было установлено, что заявитель страдает от длительной героиновой зависимости, что привело к развитию у него гепатита С и заражению ВИЧ-инфекцией. Заявителем было предпринято несколько попыток побороть свою зависимость (включая прохождение пяти курсов реабилитационной терапии для наркозависимых), которые окончились неудачей.

С 1991 по 2008 год лечение заявителя базировалось на заместительной терапии (drug

¹ European Court of Human Rights (*далее* — ECtHR). *Wenner v. Germany*. Application no. 62303/13. Judgment of 7 September 2016. Обзор подготовлен *Александрой Игоревной Лушиковой* (e-mail: lushnikovaai@gmail.com). Ведущая и редактор рубрики — *Наталья Михайловна Секретарёва*.

substitution therapy), но во время тюремного заключения заместительная терапия была прервана против воли заявителя. Заявитель был помещен в дезинтоксикационное отделение для лечения наркозависимых по истечении шести месяцев с момента начала отбывания наказания. В течение всего срока пребывания в тюрьме заявитель неоднократно пытался возобновить заместительную терапию, так как лечение обезболивающими на регулярной основе, которое было предложено тюремными врачами, было не способно полностью прекратить его страдания. Обследование внешним специалистом (доктором Н.), а также экспертное мнение доктора В., основанное на данных обследования, указали на возможность возобновления заместительной терапии.

Несмотря на полученные заключения специалистов, администрация тюрьмы дважды отклонила просьбу заявителя о возобновлении заместительной терапии или об обращении к специалисту в сфере лечения наркозависимости для квалифицированного решения вопроса о необходимости предоставления заместительной терапии, мотивируя это отсутствием рекомендаций о смене плана лечения со стороны врачей реабилитационного центра и медицинского персонала тюрьмы, необходимостью предотвращения возврата заявителя в преступный бизнес, связанный с торговлей наркотическими веществами, и заботой о его состоянии здоровья. Впоследствии заявителю не удалось обжаловать решение тюремной администрации в суде, а также добиться прохождения курса заместительной терапии в рамках подготовки к выходу из тюрьмы.

3 декабря 2014 года заявитель был освобожден. Согласно рекомендации врача, заявитель проходит заместительную терапию с 8 декабря 2014 года.

Итоговый вывод решения: неоказание наркозависимому заключенному медицинской помощи в форме заместительной терапии было признано нарушением статьи 3 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция) (единогласно).

Мотивы решения. При рассмотрении данного дела Европейский Суд по правам человека (*далее* — Суд) уделил внимание понятию «минимального уровня жестокости», а

также раскрыл содержание позитивных обязательств, которые накладывает статья 3 Конвенции на государства в сфере обеспечения медицинской помощи лицам, находящимся в заключении:

54. Суд напоминает, что, согласно статье 3, незаконные действия или ненадлежащее обращение по отношению к жертве должны достичь минимального уровня жестокости. Оценка минимального уровня жестокости является относительной и зависит от обстоятельств конкретного дела, таких как продолжительность ненадлежащего обращения, физические последствия и последствия для психики жертвы и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья жертвы (см., *inter alia*, *Blokhin v. Russia* [GC], no. 47152/06, § 135, ECHR 2016, с дальнейшими отсылками).

55. Кроме того, Суд напоминает, что статья 3 Конвенции налагает на государство позитивное обязательство обеспечить для лица, находящегося в заключении, условия содержания, отвечающие требованиям уважения к человеческому достоинству, что, помимо прочего, обеспечивается предоставлением необходимого медицинского ухода и осуществлением надлежащего лечения (см. *Kudla v. Poland* [GC], no. 30210/96, § 94, ECHR 2000-XI; *McGlinchey and Others v. the United Kingdom*, no. 50390/99, § 46, ECHR 2003-V; *Farbuhs v. Latvia*, no. 4672/02, § 51, 2 December 2004). <...> Медицинский уход, оказываемый в тюрьме, должен соответствовать тем стандартам, в соответствии с которыми государство предоставляет медицинскую помощь населению в целом. <...>

56. Суд пояснил, что для заключенного, страдающего от серьезной болезни, оценка его текущего состояния здоровья является необходимой; оценка должна быть проведена врачом, специализирующимся на болезни пациента, для того, чтобы последнему мог быть назначен правильный курс лечения (ср. *Keenan v. the United Kingdom*, no. 27229/95, § 115–116, ECHR 2001-III, касающееся заключенного, страдающего умственным расстройством; *Khudobin v. Russia*, no. 59696/00, § 95–96, ECHR 2006-XII (извлечения), касающееся заключенного, страдающего от нескольких хронических болезней, включая гепатит С и ВИЧ, и *Testa v. Croatia*, no. 20877/04, § 51–52, 12 July 2007, касающееся заключенного, страдающего от хронического гепатита С).

Применяя указанные принципы к обстоятельствам дела, Суд должен был оценить, в первую очередь, предоставило ли государство-ответчик достоверные и убедительные доказательства того, что состояние здоровья заявителя было всесторонне оценено, а предоставленный метод лечения являлся адекватным его недугу, и, во-вторых, являлась ли медицинская помощь, оказываемая заявителю, сопоставимой по уровню с той, которая оказывается любому гражданину государства:

61. Суд признаёт, что государства действуют в пределах своего усмотрения в отношении выбора подходящих методов лечения заболеваний, которыми страдают заключённые. <...> ...До тех пор, пока соблюдаются стандарты оказания медицинской помощи в местах заключения, установленные Конвенцией.

<...>

63. Суд отмечает, что существует ряд серьёзных причин, согласно которым заместительная терапия является необходимой составляющей программы лечения заявителя. Ни одна сторона не отрицает, что опиоидная зависимость заявителя носила длительный характер (около сорока лет) и все попытки заявителя покончить со своим недугом закончились неудачей. Национальный суд подтвердил, что нельзя ожидать с достаточной вероятностью излечения пациента от наркозависимости, так же как и того, что он сможет на долгое время воздержаться от употребления наркотических веществ (см. § 8 выше). Также сторонами не отрицалось, что заявитель страдал от хронической боли, связанной с предшествовавшим долгосрочным употреблением наркотиков и полиневропатией.

<...>

65. Суд отмечает, что государство не отрицает доступность заместительной терапии как в тюрьмах Германии, так и за их пределами... Национальным законодательством... предусмотрено, в частности, что в случае заключения человека под стражу заместительная терапия, начатая до помещения человека в пениitenciарное учреждение, должна быть продолжена (см. § 30 выше).

66. <...> ...Медицинская помощь предоставляется без дискриминации по признаку правового положения пациента...

<...>

71. Более того, Суд исходит из того, что аргумент государства, заключающийся в том, что

предоставление заместительной терапии будет противоречить цели реабилитации заявителя, преодолению заявителем своей зависимости, что позволит за пределами тюрьмы вести жизнь, свободную от приёма нелегальных наркотических веществ, не ставит под сомнение выводы Суда. Суд считает, что данная цель, в принципе, является законной и должна учитываться при рассмотрении вопроса о необходимости предоставления лечения при наркотической зависимости. Однако Суд отмечает, что в деле господина Веннера сами представители государства, учитывая прошлое заявителя, указали на то, что не стоит ожидать, что данная цель действительно будет достигнута. В частности, апелляционный суд, подтвердив (после консультации с лечащими врачами заявителя) возможность прекращения лечения в дезинтоксикационном центре, заключил, что нельзя ожидать с достаточной вероятностью, что заявитель будет излечен от наркомании (см. § 8 выше).

72. В данном вопросе оценка властей подтверждается медицинскими исследованиями, показывающими, что длительное воздержание от приема опиатов является редким явлением и возможно только в том случае, когда пациент мотивирован на достижение данной цели (см. § 31 выше). В настоящем деле было очевидно отсутствие такой мотивации у заявителя. Таким образом, отказ государства предоставить заместительную терапию не может быть обоснован недостижимой целью.

73. Рассмотрев аргумент государства о том, что заместительная терапия может подвергнуть опасности жизнь и здоровье заявителя... <...> Суд заключил, что данный аргумент не может служить основанием для освобождения национальных властей от детального анализа подходящего для заявителя плана лечения.

<...>

77. В данных обстоятельствах Суд счёл, что национальные власти и в особенности суды были обязаны своевременно проверить, прибегнув к помощи независимого врача, специализирующегося на работе с наркозависимыми пациентами, являлось ли состояние здоровья заявителя удовлетворительным в период отсутствия заместительной терапии. <...>

78. Учитывая последствия отказа от лечения на основе заместительной терапии для пациента, Суд, рассматривая отмену приёма наркотических веществ как серьёзную нагрузку на

организм и как существенный психологический стресс для заявителя, принимавшего опиаты достаточно длительное время, признаёт, что такой отказ может составить нарушение статьи 3 Конвенции. <...> Также Суд признаёт, что страдания заявителя были усугублены тем фактом, что он знал о существовании адекватного его состоянию здоровья медицинского лечения, которое прежде было способно существенно облегчить боль, но ему было отказано в таком лечении.

79. Кроме того, Суд считает установленным то обстоятельство, что отказ в предоставлении заявителю непрерывной заместительной терапии, несмотря на его явную зависимость от опиатов, вызвал у заявителя серьёзные и продолжительные психологические страдания. <...>

80. В свете вышеизложенного, Суд заключил, что государство-ответчик не смогло предоставить достоверные и убедительные доказательства того, что заявитель получал всестороннюю и адекватную медицинскую помощь в местах лишения свободы, сопоставимую по уровню с той, которая оказывается любому гражданину государства вне тюремного заключения, где заместительная терапия является

доступной. Суд учёл конкретные обстоятельства дела заявителя: его долгосрочную зависимость от наркотических веществ, которая не оставляла практически никаких шансов на её преодоление, и получение заявителем заместительной терапии на протяжении многих лет. В данном случае власти не смогли с достаточной тщательностью, в том числе посредством привлечения независимого специалиста, проанализировать обстоятельства дела заявителя, которые могли бы указывать на недопустимость смены плана лечения. <...>

Акты международного права, использованные в Постановлении: Стандарты Европейского Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (СРТ/Inf/E (2002) 1 – Rev.2015); Рекомендация Комитета Министров Европейского Союза Res (2006) 2 (принята 11 января 2006 года на 952 встрече заместителей министров Европейского Союза); Рекомендация Комитета Министров Совета Европы R (98) 7 об этических и организационных аспектах здравоохранения в тюрьмах (утверждена Комитетом Министров 2006 года на 952-м заседании заместителей министров).

Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 октября 2016 года по делу *Žajja* против Хорватии (жалоба № 37462/09)²

Правовые категории в Постановлении: наказание исключительно на основании закона; постоянное место жительства; место временного проживания; толкование терминов, используемых в международных соглашениях; предсказуемость правового регулирования.

Фактические обстоятельства дела. Дело было инициировано гражданином Хорватии, имеющим постоянный вид на жительство в Чехии, но не снявшимся с регистрации по месту жительства в Хорватии. После того как он купил автомобиль в Германии и зарегистрировал его на своё имя в Чехии, он въехал на данном автомобиле в Хорватию. Через несколько дней после этого он был остановлен хорватской полицией, которая наложила арест на автомобиль и проинформировала Таможенную службу о своём подозрении, что автомобиль был ввезён в Хорватию без уплаты ввозных таможенных пошлин и, таким образом, было совершено административное правонарушение. В рамках административного процесса Таможенная служба обязала заявителя уплатить таможенные пошлины в размере более 70 тысяч евро и, так как заявитель их не уплатил, позднее вынесла решение о конфискации автомобиля и о его продаже в счёт погашения неуплаченных пошлин.

² ECtHR, *Žajja v. Croatia*. Application no. 37462/09. Judgment of 4 October 2016. Обзор подготовлен *Алексеем Николаевичем Лептевым* (e-mail: a.laptev@bk.ru).

Параллельно с вышеуказанным разбирательством, Таможенная служба возбудила дело об административном правонарушении в отношении заявителя по обвинению во ввозе автомобиля в Хорватию в нарушение обязанности уплатить ввозные таможенные пошлины. Так, Таможенная служба пришла к выводу, что, несмотря на его проживание в Чехии, постоянное место жительства заявителя на момент ввоза автомобиля было в Хорватии, и на этом основании признала заявителя виновным в совершении данного правонарушения и наложила на него штраф (около 700 евро). Таким образом, национальный суд отказал в применении положения статьи 5 Приложения С к Конвенции о временном ввозе (Стамбульской конвенции), относящегося к лицам, не проживающим на территории, на которую они ввозят объекты. Данное решение было в дальнейшем отменено, но 9 октября 2008 года Таможенная служба вынесла аналогичное решение. В решении было отмечено, что заявитель был зарегистрирован в Хорватии, а значит, это государство является его постоянным местом жительства и тот факт, что он проживает в Чехии, не имеет никакого юридического значения. Заявитель оспаривал данное решение в судебном порядке, но все его жалобы были отклонены.

Итоговый вывод решения: привлечение к ответственности за временный ввоз автомобиля без уплаты таможенных пошлин при неоднозначном правовом регулировании нарушает статью 7 Конвенции (единогласно).

Мотивы решения. По вопросу о приемлемости жалобы Суд пришёл к выводу, что правонарушение, в совершении которого заявитель был признан виновным, имело уголовный характер в автономном значении данного термина, используемого в статье 7 Конвенции.

По существу жалобы, Суд отметил, что заявитель мог быть признан виновным в совершении инкриминируемого правонарушения только в том случае, если на него не распространялось освобождение от уплаты ввозных таможенных пошлин, предусмотренное статьёй 5 Приложения С к Стамбульской конвенции для временного ввоза автомобиля. Ключевым моментом для решения вопроса о данном освобождении являлось определение того, в какой стране (Хорватии или Чехии) проживал заявитель на момент ввоза автомо-

биля. При этом Суд, рассмотрев общие принципы применения статьи 7 Конвенции, ответил на два вопроса в контексте рассматриваемого дела: была ли соответствующая правовая норма сформулирована достаточно ясно, и было ли значение данной нормы прояснено национальными властями посредством толкования.

Общие принципы применения статьи 7 Конвенции:

90. Суд повторяет соответствующие принципы, суммированные в деле *Vasiliauskas*...

«153. ...Статья 7 Конвенции не ограничивается запретом придавать уголовно-правовым нормам обратную силу в ущерб интересам обвиняемого. Помимо этого, она содержит в себе более общий принцип, согласно которому определять состав преступления и устанавливать наказание за него может только закон (*nullum crimen, nulla poena sine lege*), а также принцип, запрещающий расширительно толковать уголовно-правовые нормы в ущерб обвиняемому, например по аналогии. Из этих принципов следует, что состав преступления должен чётко определяться правом, будь то внутригосударственное или международное право. Это условие выполняется, когда, исходя из формулировки соответствующей правовой нормы, человек может определить, прибегнув в случае необходимости к её судебному толкованию или к консультации опытного юриста, за какие действия или бездействие он подлежит уголовной ответственности. Таким образом, Суд указал, что под “правом” в статье 7 Конвенции имеется в виду то же самое понятие, которое используется во всех остальных статьях Конвенции, которое включает в себя и писаное, и неписаное право, предъявляя к нему качественные требования, в частности требования доступности и предсказуемости...

154. Суд напоминает, что, как бы чётко ни были сформулированы правовые нормы, в том числе нормы уголовного права, неизбежно присутствует элемент их судебного толкования. Всегда будет существовать необходимость прояснения неясных моментов и адаптации правовых норм к меняющимся обстоятельствам. В действительности в государствах — участниках Конвенции прогрессивное развитие уголовного права посредством судебного толкования общепризнанно и является необходимым элементом правовой традиции. При толковании статьи 7 Конвенции нельзя прийти к

выводу о том, что она запрещает постепенное прояснение правил привлечения к уголовной ответственности посредством их судебного толкования, осуществляемого в каждом конкретном деле, учитывая, что результат такого толкования соответствует содержанию совершённого преступления и его можно с достаточными основаниями предвидеть...»

Применение общих принципов к настоящему делу:

93. ...Суд считает, что его задачей в настоящем деле является проверка того, было ли соответствующее право предсказуемым, иными словами, представляло ли собой деяние заявителя в момент его совершения административное правонарушение, определённое с достаточной точностью национальным и/или международным правом (см. *mutatis mutandis*, *Korbely*, cited above, § 73), способное направлять поведение заявителя и предотвратить произвол. В этом отношении Суд должен оценить, мог ли заявитель знать из текста соответствующей нормы, при необходимости, с помощью её толкования национальными властями и квалифицированной юридической консультации, какие действия или бездействия повлекут за собой ответственность за данное правонарушение (см. *mutatis mutandis*, *Vasilias*, cited above, § 154). С учётом того, что предсказуемость также требует, чтобы правовая норма обеспечивала меру защиты от произвольного вмешательства со стороны государственных органов (см. *Centro Europa 7 S.r.l. and Di Stefano v. Italy* [GC], no. 38433/09, § 143, ECHR 2012), Суд также должен оценить, было ли соответствующее право достаточно ясным, чтобы в соответствии с целью и задачей статьи 7 Конвенции предоставить гарантии от произвольного преследования, осуждения или наказания (см. *Vasilias*, cited above, § 153).

Была ли правовая норма сформулирована достаточно ясно:

97. В отношении данного вопроса прежде всего нужно отметить, что термин «persons resident» дважды используется в тексте статьи 5 Приложения С к Стамбульской конвенции и что в хорватской версии данной конвенции, опубликованной в Официальном вестнике — Международные соглашения, данный термин в одном случае переведён как «*osobe s prebivalištem*» («лица, имеющие постоянное место жительства»), а во втором — как «*osobe*

koje žive» («лица, проживающие» или «лица, которые проживают») (см. § 45—46 выше). Это несоответствие в переводе действительно делает значение данного термина неоднозначным, поскольку он может означать либо постоянное место жительства, либо место временного проживания, притом что эти термины имеют различное юридическое значение не только в хорватском праве (см. § 31—32 выше), но и в ряде других стран (см. соответствующие акты Совета Европы в § 60 выше). Эта неопределённость усугубляется тем фактом, что, со строго лингвистической точки зрения, более точным переводом на хорватский язык английского термина «persons resident» или французского термина «personnes résidant», содержащихся в аутентичных текстах Стамбульской конвенции, является «*osobe s boravištem*» («лица, имеющие место жительства»), а не «*osobe s prebivalištem*» («лица, имеющие постоянное место жительства»). Хорватские версии или переводы международных или европейских правовых документов, которые содержат аналогичные или похожие термины, не проясняют данный вопрос (см. § 59 и 61 выше). Таким образом, по мнению Суда, формулировка соответствующей нормы, в частности её официальный перевод на хорватский язык, ведёт к неопределённости и двусмысленности в вопросе о том, кто имеет право на освобождение от уплаты таможенных пошлин, а точнее, что для этого является решающим признаком: место постоянного жительства или место временного проживания.

98. Учитывая судебную практику по этому вопросу (см. § 90 и 93 выше), Суду далее предстоит исследовать вопрос о том, было ли значение термина «persons resident», содержащегося в тексте статьи 5 Приложения С к Стамбульской конвенции, прояснено национальными властями посредством толкования. Было ли значение данной нормы прояснено национальными властями посредством толкования:

99. Правительство утверждало (см. § 80 выше), что, поскольку Стамбульская конвенция в своей статье 1 не содержит автономного определения термина «persons resident», определение его значения находилось в компетенции государств — участников Конвенции и что хорватские власти решили дать такое толкование данному термину, которое приравнивает его к понятию постоянного места жительства

(*prebivalište*). По их мнению, всякая неопределённость значения термина «persons resident» была устранена тем фактом, что власти единообразно и последовательно толковали его как «лица, имеющие постоянное место жительства», где понятие постоянного места жительства определялось в свете соответствующего внутреннего законодательства, в частности с учётом определения, содержащегося в Законе «О постоянном месте жительства и месте проживания граждан» (см. § 80–81 выше).

100. В связи с этим Суд для начала отмечает, что практика, представленная Правительством (см. § 47–50 выше), свидетельствует о том, что Таможенная служба, Суд по административным правонарушениям и Административный суд в период между 18 января 2006 года и 18 мая 2011 года толковали термин «persons resident», содержащийся в статье 5 Приложения С к Стамбульской конвенции, как «лица, имеющие постоянное место жительства» и в связи с этим ссылались на определение постоянного места жительства, предусмотренное в Законе «О постоянном месте жительства и месте проживания граждан». Однако решение Таможенной службы от 23 мая 2006 года, решения Министерства финансов от 6 июля 2006 года и 9 января 2008 года и постановления Административного суда от 31 июля 2008 года и 9 сентября 2009 года (см. § 55–57 выше) свидетельствуют о том, что этот же термин должен толковаться в соответствии с определением фискального места проживания и обычного места проживания, которые содержатся в налоговом законодательстве (см. § 31 выше). Кроме того, заключения Таможенной службы, сделанные в период между 19 декабря 2006 года и 10 января 2013 года (см. § 51–51 выше), а также пресс-релиз от 4 апреля 2011 года (см. § 53 выше) и инструкция от 1 июня 2011 года (см. § 54 выше) указывают, что данный термин следует понимать как означающий «лица, имеющие обычное место проживания» и что транспортные средства с иностранными номерными знаками, ввозимые на территорию Хорватии гражданами Хорватии, которые имеют своё обычное место проживания за границей, должны освобождаться от ввозных пошлин (см. § 51–54 выше). Более того, инструкция от 1 июня 2011 года в своей вводной части указывает, что она была принята с целью устранения сомнений и неопределённости и для гармонизации процедур, свя-

занных с применением Приложения С к Стамбульской конвенции в связи с использованием автомобилей с иностранными номерными знаками на таможенной территории Хорватии (см. § 54 выше).

101. Если термин «persons resident», содержащийся в статье 5 Приложения С к Стамбульской конвенции, следует понимать как означающий лиц, имеющих обычное место проживания (а не лиц, имеющих (зарегистрированное) постоянное место жительства), как это делают указанные выше заключения, пресс-релиз и инструкция Таможенной службы, то исход дела заявителя мог быть другим. Это следует из того, что в ходе разбирательства, в отношении которого заявитель подал жалобу, национальные власти установили, что в соответствующий период времени он не платил подоходный налог и не имел медицинского страхования в Хорватии и что он имел действующий вид на жительство, выданный властями Чехии (см. § 20 и 22–23 выше). Согласно чешскому законодательству (см. § 42 выше), данный вид на жительство не мог быть выдан, если в течение пяти лет до его получения (18 февраля 2008 года — см. § 6 выше) заявитель покидал Чехию на срок более шести месяцев подряд или на срок более десяти месяцев в общей сложности. На фоне этих фактов утверждение о том, что в соответствующий период времени его обычное место проживания действительно находилось в Чешской Республике, по меньшей мере, имело определённые основания.

102. С учётом вышесказанного нельзя не сделать вывод, что практика национальных властей при толковании термина «persons resident», содержащегося в статье 5 Приложения С к Стамбульской конвенции, была непоследовательной в то время, когда заявитель якобы совершил данное правонарушение.

103. В связи с этим Суд считает очевидным, что толкование, способное прояснить смысл недостаточно ясной нормы, которое служит в качестве правовой основы для какого-либо правонарушения, в целях соблюдения требований статьи 7, должно вытекать из практики (судебной практики) национальных властей, которая является последовательной. Это так, поскольку непоследовательной судебной практике не хватает требуемой чёткости для того, чтобы избежать любого риска произвола и дать людям возможность предвидеть последствия своих действий (см. § 93 выше).

104. Данный принцип был первоначально закреплён в контексте жалоб на нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в целях установления того, было ли вмешательство в право собственности предсказуемым и, таким образом, «предусмотрено законом» по смыслу данной статьи (см. *Belvedere Alberghiera S.r.l. v. Italy*, no. 31524/96, § 58, ECHR 2000-VI; *Carbonara and Ventura v. Italy*, no. 24638/94, § 65, ECHR 2000-VI; *Mullai and Others v. Albania*, no. 9074/07, § 115–117, 23 March 2010; *Saghinadze and Others v. Georgia*, no. 18768/05, § 116–118, 27 May 2010; *Brezovec v. Croatia*, no. 13488/07, § 67, 29 March 2011; *Matić and Polonia d.o.o. v. Serbia* (dec.), no. 23001/08, § 47, 23 June 2015). В ещё более специфичном контексте налогообложения, в отношении этой же статьи, Суд также постановил, что отсутствие необходимых ясности и чёткости в национальном праве, которое допускает различные толкования по важному фискальному вопросу, нарушило требование «качества закона», установленного Конвенцией, и не обеспечило адекватную защиту от произвольного вмешательства со стороны органов государственной власти в осуществление прав собственности (см. *Shchokin v. Ukraine*, nos. 23759/03 and 37943/06, § 56, 14 October 2010; *Serkov v. Ukraine*, no. 39766/05, § 42, 7 July 2011).

105. Суд считает, что данный принцип тем более применим в контексте статьи 7 Конвенции (см. *Matić and Polonia d.o.o.*, cited above, § 50), учитывая, что её задача и цель состоят в том, чтобы обеспечить эффективную защиту от произвольного уголовного преследования, осуждения или наказания (см., среди многих других источников, *Vasiliauskas*, cited above, § 153). Ни один человек не должен быть вынужден гадать, подвергаясь риску наказания, является ли его поведение запрещённым или нет, и не должен быть подвергнутым чрезвычайно широкому усмотрению властей, в особенности, если было возможно, либо путём формулирования законодательства в более точных терминах, либо посредством судебного толкования, уточнить соответствующую норму таким образом, который устранил бы неопределённость.

Заключение

106. В заключение Суд повторяет, что формулировка статьи 5 Приложения С к Стам-

бульской конвенции, в особенности её хорватский перевод, ведёт к неопределённости и двусмысленности (см. § 97 выше) и что в соответствующий период времени толкование этой нормы национальными властями было непоследовательным (см. § 100–102 выше) и, следовательно, необходимая чёткость отсутствовала. В результате этого заявитель, даже при наличии квалифицированной юридической консультации, был не в состоянии разграничить разрешённое и запрещённое поведение и, таким образом, не в состоянии предвидеть со степенью определённости, требуемой статьёй 7 Конвенции, что, въезжая в Хорватию на своей машине, имея при этом обычное место жительства в Чехии, заявитель совершит правонарушение (см. § 93 и 104–105 выше). К тому же свобода усмотрения, предоставленная властям для толкования и применения статьи 5 Приложения С к Стамбульской конвенции, была слишком широкой, чтобы обеспечить эффективную защиту от произвольного преследования, осуждения или наказания (см. § 93 выше).

Акты международного права, использованные в Постановлении: Конвенция о временном ввозе (Стамбульская конвенция) 1990 года; Модельная конвенция Организации экономического сотрудничества и развития в отношении налогов на доход и капитал (Модельная конвенция об устранении двойного налогообложения) 1977 года; Типовая конвенция ООН об избежании двойного налогообложения между развитыми и развивающимися странами (пересмотренное издание 2011 года); Соглашение об избежании двойного налогообложения между Хорватией и Чехией 1999 года; Соглашение об избежании двойного налогообложения между Хорватией и Францией 2005 года; Соглашение об избежании двойного налогообложения между Югославией и Великобританией 1982 года; Резолюция Комитета Министров Совета Европы (72) о стандартизации правовых понятий «постоянное место жительства» и «место временного проживания» 1972 года; Директива Совета Европейских Сообществ 1983 года № 83/182/ЕЭС «Об освобождении от налогообложения в пределах Сообщества некоторых транспортных средств, временно ввезённых в одно государство — член ЕС из другого государства — члена ЕС».

Постановление Европейского Суда по правам человека от 13 октября 2016 года (вступило в силу 6 марта 2017 года) по делу Ирина Смирнова (Irina Smirnova) против Украины (жалоба № 1870/05)³

Правовые категории в Постановлении: запрет пыток; бесчеловечное или унижающее достоинство обращение; эффективное расследование; позитивные меры по защите от незаконных действий со стороны третьих лиц; уважение частной жизни и жилища; бытовое насилие.

Фактические обстоятельства дела. Заявительница, пожилая женщина, являлась собственницей 1/2 доли в праве собственности на квартиру с одной спальней в г. Днепропетровске, в которой она проживала несколько десятилетий. Вторая половина квартиры, изначально принадлежавшая её сыну, была подарена им неизвестным заявителю мужчине В. С. и А. Н. В ноябре 2001 года эти мужчины потребовали от заявительницы продать им свою долю в квартире по крайне низкой цене по сравнению с рыночной. После отказа заявительницы продать свою часть квартиры с ноября 2002 года В. С., А. Н. и их знакомые начали регулярно посещать квартиру заявительницы с требованием продажи, ломали замки, оскорбляли заявительницу, наносили ущерб её собственности, убили её собаку, избивали её, вселяли посторонних жильцов, которые приводили квартиру в негодное состояние.

12 ноября 2003 года Ворошиловский районный суд удовлетворил требование заявительницы об аннулировании дарственной на половину квартиры, принадлежавшей её сыну, так как не было получено её согласия. Данное решение было в дальнейшем отменено судами вышестоящих инстанций. Позднее заявительница возбудила гражданский процесс по лишению права собственности В. С. (и позже — А. Н.) на основании незаконного поведения по отношению к ней, невозможности совместного использования квартиры и отказа В. С. оплачивать свою часть расходов на обслуживание квартиры. Обе жалобы были отклонены в последней инстанции решениями Верховного суда Украины.

С 2002 по 2007 год заявительница обращалась в полицию с просьбой возбудить уголовное дело на основании совершения в отношении неё вербального и физического насилия, причинения вреда её имуществу и ввиду вымогательства. Полиция систематически отказывала заявительнице в возбуждении уголовного дела, указывая, что она и другие законные собственники квартиры пытаются привлечь полицию к разрешению бытовых разногласий. Лишь спустя много лет, 12 октября 2012 года, Киевский районный суд признал совладельцев квартиры заявительницы виновными в вымогательстве, приговорил их к лишению свободы, конфискации собственности и постановил возместить материальный и нематериальный ущерб.

Итоговый вывод решения: бездействие властей в отношении систематического вербального и физического насилия со стороны частных лиц на протяжении длительного времени составляет нарушение статьи 3 Конвенции (единогласно); отсутствие процессуальных гарантий защиты уважения частной жизни и жилища нарушает статью 8 Конвенции (единогласно).

Мотивы решения. Нарушение статьи 3 Конвенции:

70. Суд повторяет, что обязательство Высокых Договаривающихся Сторон в соответствии со статьёй 1 Конвенции обеспечить каждому находящемуся под их юрисдикцией права и свободы, определённые в Конвенции, взятое в совокупности со статьёй 3, требует от государств ввести эффективные уголовно-правовые положения для предотвращения совершения преступлений против личной неприкосновенности и создать уголовно-правовой механизм по предупреждению, пресечению и наказанию нарушений таких положений. Это требование распространяется, в том числе, и на жестокое обращение со стороны частных лиц (*D.F. v. Latvia*, no. 11160/07, § 83, 29 October 2013; *Valiulienė v. Lithuania*, no. 33234/07, § 75, 26 March 2013). Для возникновения у государства этого позитивного обязательства должно быть установлено, что обжалуемое жестокое обращение достигло необходимой для

³ ECtHR. *Irina Smirnova v. Ukraine*. Application no. 1870/05. Judgment of 13 October 2016. Обзор подготовлен Ильёй Сергеевичем Савельевым (e-mail: sorc33@mail.ru).

применения статьи 3 степени тяжести (см. *B.V. and Others v. Croatia* (dec.), no. 38435/13, § 152–153, 15 December 2015) или что власти знали или должны были знать в тот период времени о существовании реальной и непосредственной угрозы такого жестокого обращения (см. *Dordević v. Croatia*, no. 41526/10, § 139, ECHR 2012).

71. <...> Если лицо обоснованно утверждает, что оно неоднократно подвергалось бытовому насилию или иным видам преследования... национальные власти должны оценить ситуацию в целом, в том числе дать оценку риску тому, что подобные инциденты будут продолжаться в будущем. Эта оценка должна, прежде всего, уделить должное внимание психологическому эффекту того, что риск повторного преследования, запугивания и насилия может сказаться на повседневной жизни жертвы (см. *Valiulienė*, cited above, § 68–69; *Dordević*, cited above, § 90–93; *M. and M. v. Croatia*, no. 10161/13, § 141–142, ECHR 2015 (выдержки)). Если установлено, что конкретное лицо систематически становится жертвой преследования, и существует вероятность продолжения насилия в отношении этого лица в будущем, власти должны не только отреагировать на уже произошедшие инциденты, но и принять соответствующие меры общего характера по борьбе с проблемой, лежащей в основе преследования (см. *Dordević*, cited above, § 147–149).

74. <...> Тем не менее, предполагая, что уголовное преследование агрессоров являлось адекватной мерой реагирования на жалобы заявительницы в отношении их жестокого поведения и систематического преследования, Суд отмечает, что принятие этих действий заняло у государственных органов более 12 лет.

75. В связи с этим Суд повторяет, что для целей статьи 3 защитные меры должны позволять властям предпринимать срочные действия, пропорциональные риску, с которым сталкиваются преследуемые лица (см. *D.F.*, cited above, § 91 and 95). В случае, если ситуация требует возбуждения уголовного преследования, уголовное разбирательство на всех стадиях производства, в том числе на стадии судебного разбирательства, должно удовлетворять требованиям статьи 3 Конвенции и позволять рассматривать дело по существу в течение разумного периода времени (см., например, *M. and M.*, cited above, § 147–152).

76. Суд признаёт, что на ранних стадиях конфронтации между заявительницей и иными собственниками квартиры национальные власти могли испытывать определённые трудности при юридической квалификации ситуации. Тем не менее не было представлено правдоподобного объяснения, которое могло бы оправдать задержку сроком в более чем 12 лет.

77. ...Суть жалобы заявительницы заключалась в том, что она подвергалась систематическому преследованию. В то же время национальные власти, хотя были осведомлены об этой ситуации, не приняли необходимые меры для наказания преступников и предотвращения дальнейших нападений и оскорблений. <...>

78. В этих обстоятельствах Суд... приходит к выводу, что государство-ответчик не выполнило своё позитивное обязательство в соответствии со статьёй 3 Конвенции по защите заявительницы от повторяющегося вербального и физического насилия со стороны совладельцев её квартиры и их знакомых, так как оно допустило необоснованные задержки в возбуждении и проведении уголовного расследования в отношении совладельцев квартиры. Указав, что жалобы на преследование и насилие были рассмотрены в рамках статьи 3, а потому не требуется рассматривать их в рамках статьи 8 Конвенции (§ 89 Постановления), Суд постановил:

90. В то же время Суд отмечает, что существуют и другие аспекты жалобы заявительницы о нарушении статьи 8, которые ещё не были изучены Судом. В частности, как следует из утверждений заявительницы о том, что, в дополнение к её жалобе на насилие и издевательства, она также жалуется на (а) сам факт того, что она была вынуждена терпеть присутствие в своём доме посторонних людей, и (б) их неприемлемое, но, по сути, не преступное поведение (в частности, неуважительное использование квартиры и имущества заявительницы, порча объектов, находящихся в квартире, создание шума и других неудобств и т.д.).

91. Суд исходит из того, что нарушенные права заявительницы, касающиеся данных аспектов её жалобы, в конечном счёте получили защиту в ходе уголовного преследования в отношении В.С. и А.Н., обвиняемых в вымогательстве. В частности, как следует из приговора Киевского районного суда от 12 октября 2012 года, А.Н. и В.С. были обязаны выплатить компенсацию материального и морально-

го вреда заявительнице. Кроме того, они также были лишены своей доли в квартире в результате конфискации имущества. Тем не менее Суд, принимая во внимание крайне длительные задержки при возбуждении и осуществлении уголовного производства, которые уже обсуждались в § 76 и 78, приходит к выводу, что эффективность данных мер в деле заявительницы была значительно снижена. Таким образом, права заявительницы, закреплённые в статье 8 Конвенции, не получили какой-либо защиты на национальном уровне в течение очень длительного времени (см. *Surugiu*, cited above, § 60–67, и *Udovičić*, cited above, § 158–159).

<...>

94. Исходя из этого, Суд приходит к выводу, что проживание в одной квартире с незваными незнакомыми людьми, независимо от того, как благоразумно они ведут себя, создаёт очень важные последствия для личной жизни человека и других интересов, защищаемых статьёй 8. <...>

<...>

96. <...> ...Заявительница потеряла какой-либо контроль над тем, сколько или какие люди имеют право пользоваться её квартирой.

Таким образом, квартира заявительницы была фактически превращена в общежитие, и у неё не было возможности каким-либо образом выразить с этим несогласие.

97. Аналогичным образом, заявительнице не были доступны какие-либо средства правовой защиты, позволяющие ей утверждать, что совместное проживание с А. Н., В. С. и их знакомыми наложило на неё непропорционально тяжёлое бремя, не позволяющее ей пользоваться правами, гарантированными статьёй 8. <...> Примечательно, что жалоба заявительницы состояла в том, что её квартира не подходит для использования более чем одной семьёй и что В. С. и А. Н. взламывали двери и пользовались квартирой против её воли. Правительство не смогло показать, как доступные заявительнице средства правовой защиты могли решить ключевые проблемы, поднятые в вышеуказанной жалобе.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Рекомендация Комитета Министров Совета Европы Res (2002) 5 от 30 апреля 2002 года о защите женщин от насилия.

Постановление Большой Палаты Европейской Суда по правам человека от 8 ноября 2016 года по делу Венгерский Хельсинкский комитет (Magyar Helsinki Bizottság) против Венгрии (жалоба № 18030/11)⁴

Предшествовавшее решение Палаты: уступка юрисдикции в пользу Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 26 мая 2015 года по делу *Венгерский Хельсинкский комитет (Magyar Helsinki Bizottság) против Венгрии* (жалоба № 18030/11).

Правовые категории в Постановлении: право на доступ к информации; право на поиск информации; исключения из права доступа к информации; персональные данные; защита персональных данных.

Фактические обстоятельства дела. Дело было инициировано Венгерским Хельсинк-

ским комитетом — венгерской правозащитной некоммерческой организацией, основанной в 1989 году, которая в рамках своей деятельности, в числе прочих мер, провела ряд исследований, связанных с оценкой эффективности существующей системы назначения общественных защитников, а также занималась продвижением реформы назначения общественных защитников. В 2009 году в рамках одного из проектов, направленных на улучшение системы назначения общественных защитников, организация-заявитель запросила информацию у 28 отделений полиции об именах отобранных ранее общественных защитников и количестве дел, которые были им назначены, чтобы проверить предположение о том, что общественные защитники назначаются недобросовестно. Два отделения полиции отказали в удовлетворении

⁴ ECtHR. *Magyar Helsinki Bizottság v. Hungary* [GC]. Application no. 18030/11. Judgment of 8 November 2016. Обзор подготовлен Ильёй Сергеевичем Савельевым (e-mail: sorc33@mail.ru).

запроса организации-заявителя, сославшись на то, что имена защитников составляют персональные данные, которые не могут быть раскрыты на основании закона, а требования заявителя, не преследующие публичный интерес, возлагают на отделения полиции непропорциональное бремя.

25 сентября 2009 года организация-заявитель подала иск против отказавшихся предоставить сведения отделений полиции в районный суд Дебрецена, который 21 октября 2009 года обязал отделения полиции предоставить соответствующую информацию в течение 60 дней. 23 февраля 2010 года апелляционный суд отменил решение суда первой инстанции и отказал в удовлетворении жалобы заявителя в полном объёме.

15 сентября 2010 года Верховный суд поддержал решение суда апелляционной инстанции, сохранив за полицейскими отделениями право не раскрывать данные защитников по назначению. Основным аргументом Верховного суда было то, что защитник по назначению не может рассматриваться как «другое лицо, исполняющее публичные обязанности» в контексте Акта о защите и доступе к информации в силу отсутствия у него полномочий органа государственной власти, а потому данные о его имени и назначениях составляют персональные данные, которые не могут быть раскрыты.

Итоговый вывод решения: отказ в предоставлении информации о защитниках по назначению нарушает статью 10 Конвенции (15 голосов — «за», 2 голоса — «против»).

Мотивы решения. По вопросу допустимости жалобы Суд указал:

133. <...> В обстоятельствах, подобных тем, которые были рассмотрены в делах *Герра и другие (Guerra and Others)*, *Гаскин (Gaskin)* и *Пуи (Roche)*, статья 10 не рассматривалась как предоставляющая индивиду право на доступ к запрашиваемой информации и налагающая на государство обязательство передать такую информацию. Однако Суд не исключает существования такого права у индивида или соответствующего обязательства у государства в иных обстоятельствах. <...>

<...>

135. <...> Суд, таким образом, не убеждён, что из подготовительных работ к Конвенции можно сделать какой-либо определённый вывод в отношении толкования § 1 статьи 10 как

включающего право на доступ к информации в контексте настоящего дела. Столь же не убеждён Суд в том, что не может существовать обстоятельств, при которых такое право на доступ к информации будет вытекать из обычного значения слов «получать и передавать информацию» и идеи без вмешательства публичных властей» или из объекта и цели статьи 10.

<...>

137. Суд считает, что в определённых ситуациях и при определённых условиях могут существовать весомые аргументы в пользу толкования положений статьи 10 таким образом, чтобы она включала право индивида на доступ к информации, находящейся у государства, и налагала на государство обязательство предоставить соответствующую информацию.

<...>

139. <...> ...Суд считает установленным, что среди государств — членов Совета Европы существует широкий консенсус о необходимости признания права индивида на доступ к информации, находящейся у государства, для того чтобы позволить обществу исследовать любой вопрос публичного интереса и сформировать в отношении него своё мнение, включая мнение о порядке функционирования государственной власти в демократическом обществе.

140. Высокая степень консенсуса возникла и на международном уровне. В частности, право на поиск информации прямо гарантируется в статье 19 (положение, соотносящееся с гарантиями свободы выражения мнения, закреплёнными в статье 10 Конвенции) Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, который был ратифицирован всеми 47 государствами — участниками Конвенции, включая Венгрию (из них все, кроме Швейцарии и Соединённого Королевства, признали право на подачу индивидуальных жалоб в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту). Аналогичным образом, такое право закреплено в статье 19 Всеобщей декларации ООН по правам человека.

<...>

148. Таким образом, из приведённых выше соображений вытекает, что с момента принятия Конвенции национальное право подавляющего большинства государств — членов Совета Европы, а также релевантные международные инструменты действительно развились до того момента, когда сформировался широкий консенсус в Европе и за её пределами о

необходимости признать право индивида на доступ к информации, находящейся у государства, с тем чтобы помочь обществу в формировании мнения по вопросам общего интереса.

<...>

155. <...> Как было чётко проиллюстрировано в недавней практике Суда и в решениях других органов по правам человека, вывод о том, что право на доступ к информации ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться как подпадающее под сферу регулирования статьи 10 Конвенции, привёл бы к возникновению ситуаций, когда свобода «получать и передавать информацию» была бы ограничена таким образом и в такой степени, что это нанесло бы удар по самой сути свободы выражения мнения. Для Суда, в обстоятельствах, когда доступ к информации носит первостепенный характер для осуществления права заявителя получать и передавать информацию, отказ в доступе к информации может составлять вмешательство в это право. Принцип реальной и эффективной защиты конвенционных прав требует, чтобы заявитель в такой ситуации мог бы положиться на защиту статьи 10 Конвенции.

156. <...> Кроме того, Суд считает, что статья 10, по общему правилу, не подразумевает, что у индивида есть право на доступ к информации, находящейся у публичных властей, и не обязывает государство предоставлять такую информацию. Однако, как видно из вышеизложенного анализа, такое право или обязательство может возникнуть, во-первых, когда необходимость раскрытия информации основывается на судебном решении, которое вступило в законную силу (чего нет в данном деле) и, во-вторых, в обстоятельствах, когда доступ к информации является инструментом осуществления индивидом его или её свободы выражения мнения, в частности «свободы получать и передавать информацию», и когда отрицание такого доступа составляет вмешательство в это право.

Далее Суд рассмотрел следующие критерии, по которым должно оцениваться наличие угрозы вмешательства: цель запроса и наличие публичного интереса в получении информации, роль заявителя, готовность и доступность информации.

Цель запроса информации:

158. Первой предпосылкой должно быть то, что запрос удерживаемой органами публич-

ной власти информации должен преследовать цель осуществления свободы «получать и передавать информацию и идеи» другим лицам. Поэтому Суд уделяет особое внимание тому, является ли получение информации уместным подготовительным шагом при осуществлении журналистской деятельности или иной деятельности по созданию площадки для общественного обсуждения и составляет ли такая деятельность неотъемлемый элемент публичной дискуссии (см., *mutatis mutandis*, *Társaság*, cited above, § 27–28; *Österreichische Vereinigung*, cited above, § 36).

Наличие публичного интереса:

161. Суд считает, что для того, чтобы в соответствии с Конвенцией существовала необходимость раскрытия информации, данных или документов, к которым испрашивается доступ, раскрытие такой информации должно отвечать публичному интересу. <...>

162. Суд обращает внимание, что определение того, что может составить публичного интереса, зависит от обстоятельств конкретного дела. Публичный интерес относится к вопросам, которые касаются общества в такой степени, что оно может иметь в них правомерный интерес. Такие вопросы привлекают внимание общества или вызывают его серьёзную озабоченность, особенно если они затрагивают благополучие граждан или жизнь самого общества. Это также относится к важным социальным вопросам, которые могут породить значительные противоречия в общественном мнении или касаться проблемы, в информировании о которой общество заинтересовано. <...>

163. В этом отношении уместно обращение к привилегированной позиции, предоставленной Судом в его прецедентном праве политическим речам и дебатам по вопросам общественного интереса. Обоснование того, что в соответствии с § 2 статьи 10 возможность ограничения выражения такого рода мнений является небольшой (см. *Lingens v. Austria*, 8 July 1986, § 38 and 41, Series A no. 103, и *Sürek v. Turkey (no. 1)* [GC], no. 26682/95, § 61, ECHR 1999-IV), аналогичным образом применимо в соответствии с § 1 статьи 10 в отношении предоставления права на доступ к информации такого рода, находящейся у государства.

Роль заявителя:

168. Следовательно, Суд считает, что важным фактором является то, запрашивает ли

заявитель информацию для того, чтобы информировать публику, выполняя роль общественного «сторожевого пса». Это не означает, однако, что право на доступ к информации применимо только к некоммерческим организациям и прессе. Суд повторяет, что высокий уровень защиты также распространяется на учёных (см. *Başkaya and Okçuoğlu v. Turkey* [GC], nos. 23536/94 and 24408/94, § 61–67, ECHR 1999-IV; *Kenedi*, cited above, § 42; *Gillberg*, cited above, § 93) и публицистов, пишущих по вопросам общественного значения (см. *Chauvy and Others v. France*, no. 64915/01, § 68, ECHR 2004-VI, и *Lindon, Otchakovsky-Laurens and July v. France* [GC], nos. 21279/02 and 36448/02, § 48, ECHR 2007-IV). Суд также отмечает, что благодаря важной роли, которую играет Интернет в расширении доступа общественности к новостям и в распространении информации (см. *Delfi AS v. Estonia* [GC], no. 64569/09, § 133, ECHR 2015), функция блоггеров и популярных пользователей социальных медиа также может быть отнесена к «сторожевым псам» в отношении защиты свободы выражения мнения, охраняемой статьёй 10.

Готовность и доступность информации:

170. В свете вышеупомянутой судебной практики и принимая во внимание также формулировку § 1 статьи 10 (а именно слова «без вмешательства со стороны публичных властей»), Суд считает, что тот факт, что запрошенная информация готова и доступна, должен расцениваться как важный критерий при общей оценке того, может ли отказ в предоставлении информации быть рассмотрен как «вмешательство» в свободу «получать и распространять информацию» в контексте этой статьи.

Применив установленные критерии к обстоятельствам настоящего дела, Суд установил:

175. По мнению Суда, информация, запрошенная организацией-заявителем из отделений полиции, находилась, бесспорно, в рамках предметной области исследования, проводимого организацией. Для того чтобы иметь возможность обосновывать свои аргументы, организация-заявитель стремилась собрать детальную информацию об отдельных адвокатах, чтобы продемонстрировать какие-либо повторяющиеся сценарии назначения. <...> Следовательно, можно обоснованно заключить, что

в отсутствие запрошенной информации организация-заявитель не могла внести свой вклад в публичные дебаты на основе точной и надёжной информации.

176. В отношении характера информации Суд отмечает, что национальные власти не дали никакой оценки потенциально социально значимому характеру информации и лишь приняли во внимание статус защитников по назначению с точки зрения Акта о данных. <...>

177. Суд отмечает, что подход национальных властей лишил всякой значимости сообщения об общественном интересе, на который ссылался заявитель. Однако, по мнению Суда, информация о назначении общественных защитников была в высшей степени общественно значимой, независимо от того, могут ли общественные защитники считаться лицами, выполняющими публичные обязанности в соответствии с релевантным национальным правом.

178. Что касается роли организации-заявителя, не вызывая разногласий сторон, что настоящее дело касается действующей на протяжении долгого времени и в публичных интересах организации. <...>. Суд не видит никаких причин сомневаться в том, что исследование, которого касается данное дело, содержит такую информацию, которую организация-заявитель обязалась передать общественности и на получение которой общество имеет право. Суд также убеждён, что организации-заявителю было необходимо иметь доступ к запрашиваемой информации для выполнения данной задачи.

179. Наконец, Суд отмечает, что информация была готова и доступна; и перед Судом не утверждалось, что её раскрытие было бы особенно обременительным для властей... <...>

180. <...> Отрицанием доступа к информации, готовой и имеющейся в распоряжении, национальные власти нарушили право заявителя на свободу получать и распространять информацию в такой степени, что это нанесло вред самой сути предусмотренных статьёй 10 прав. <...>

Являлось ли такое вмешательство обоснованным:

188. Суд отмечает, что центральный вопрос в основе жалобы заявителя — была ли запрашиваемая информация, характеризующая властями как персональные данные, не подлежащей разглашению. <...>

<...>

194. В настоящем деле запрошенная информация состояла из имён общественных защитников и количества их назначений в качестве адвокатов в определённых юрисдикциях. Суд исходит из того, что запрос на эти имена, хотя они составляли персональные данные, был связан главным образом с осуществлением профессиональной деятельности в контексте публичного судопроизводства. В этом смысле профессиональная деятельность общественных защитников не может рассматриваться как касающаяся частной жизни. Кроме того, запрошенная информация не связана с действиями или решениями защитников по назначению в связи с выполнением своих задач в качестве законных представителей или консультаций со своими клиентами. <...>

195. Суд также приходит к выводу, что раскрытие имён защитников по назначению и количества их дел не подвергало бы раскрытию их персональных данных в степени, превосходящей ту, что они, вероятно, могли ожидать, регистрируясь как защитники по назначению (ср. с *Peck v. the United Kingdom*, no. 44647/98, § 62, ECHR 2003-1). Нет никаких причин предполагать, что информация об именах защитников по назначению и об их назначениях не может стать достоянием общественности другими путями...

196. Интересы, на которые ссылается Правительство со ссылкой на статью 8 Конвенции, не носят такого характера и степени, которые могли бы послужить основанием применения данной статьи и противопоставления интересов защитников правам заявителя, предусмотренным статьёй 10 (ср. с *Couderc and Hachette Filipacchi Associés*, § 91; *Axel Springer AG*, § 87, both cited above; *Von Hannover v. Germany (no. 2)* [GC], nos. 40660/08 and 60641/08, § 106, ECHR 2012, и *Perinçek v. Switzerland* [GC], no. 27510/08, § 227–228, ECHR 2015 (выдержки)). <...> Следовательно, важным вопросом является, были ли меры, использованные для защиты интересов общественных защитников, пропорциональными преследуемой цели.

197. Суд отмечает, что содержание исследования организации-заявителя касалось эффективности системы защитников по назначению (см. § 15–16). Эта проблема тесно связана с правом на справедливое судебное разбирательство, которое в соответствии с законодательством Венгрии является основопола-

гающим правом (см. § 33 выше), а также является правом первостепенной важности в соответствии с Конвенцией. Действительно, любые предложения или критика по усовершенствованию системы, настолько непосредственно связанной правом на справедливое судебное разбирательство, должны рассматриваться как выражение законной озабоченности общества. <...> Отказ удовлетворить запрос, по сути, препятствовал организации-заявителю сделать вклад в публичную дискуссию по вопросу, представляющему общий интерес.

<...>

200. В свете вышеизложенного, Суд считает, что аргументы, выдвинутые Правительством, хотя и являются релевантными, не были достаточными, чтобы показать, что обжалуемое вмешательство было «необходимым в демократическом обществе». В частности, Суд считает, что, несмотря на свободу усмотрения государства-ответчика, не было соблюдено разумное соотношение между обжалуемой мерой и преследуемой законной целью.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года; Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года; Замечание общего порядка № 34 от 12 сентября 2011 года к статье 19 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года (Свобода мнений и их выражения); Всеобщая декларация прав человека 1948 года; Доклад Специального докладчика ООН по свободе выражения мнения о праве на доступ к информации от 4 сентября 2013 года (Doc. A/68/362); Совместная декларация Специального докладчика ООН по свободе выражения мнения, Представителя ОБСЕ по вопросам свободы СМИ и Специального докладчика ОАГ по свободе слова от 6 декабря 2004 года; Рекомендация ПАСЕ № 582 о средствах массовой информации и правах человека от 23 января 1970 года; Хартия Европейского Союза об основных правах 2000 года; Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза «О доступе общественности к документам Европейского Парламента, Совета ЕС и Европейской Комиссии» № 1049/2001 от 30 мая 2001 года; Рекомендация Комитета Министров государствам-членам о доступе к официальным документам от 21 февраля 2002 года Rec (2002) 2;

Конвенция Совета Европы о доступе к официальным документам 2008 года; Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных 1981 года; Декларация принципов свободы слова в Африке 2002 года (Африканская комиссия по правам человека и народов); Американская конвенция о правах человека 1969 года.

Практика органов международного правосудия, использованная в Постановлении: Inter-American Court of Human Rights. *Claude Reyes and others v. Chile*. Series C No. 151. Judgment of 19 September 2006; United Nations Human Rights Committee (далее – UNHRC). *Robert W. Gauthier v. Canada*. Communication no. 633/1995. Views of 5 May 1999; UNHRC. *Toktakunov v. Kyrgyzstan*. Communication no. 1470/2006.

Views of 28 March 2011; UNHRC. *Rafael Rodríguez Castañeda v. Mexico*. Communication no. 2202/2012. Views of 29 August 2013; Court of Justice of the European Union. *Volker und Markus Schecke Gbr und Hartmut Eifert v. Land Hessen* [GC]. Case no. C-92/09 and C-93/09. Judgment of 9 November 2010; Court of Justice of the European Union. *European Commission v The Bavarian Lager Co. Ltd* [GC]. Case no. C-28/08. Judgment of 29 June 2010.

Совпадающие мнения: совместное мнение представили судьи Ангелика Нуссбергер (Германия) и Хелен Келлер (Швейцария), а также судьи Линос-Александр Сицилианос (Греция) и Гвидо Раймонди (Италия).

Особое мнение: совместное особое мнение представили судьи Роберт Спано (Исландия) и Йон Фридрих Кьёлбро (Дания).

Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 13 декабря 2016 года по делу Белане Надь (*Bélané Nagy*) против Венгрии (жалоба № 53080/13)⁵

Предшествовавшее решение Палаты: Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 февраля 2015 года по делу Белане Надь (*Bélané Nagy*) против Венгрии (жалоба № 53080/13). Палата установила нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (четырьмя голосами «за» и тремя «против»).

Правовые категории в Постановлении: право собственности; беспрепятственное пользование своим имуществом; имущественные права; социальные пенсии и пособия; пенсия по инвалидности.

Фактические обстоятельства дела. В 2001 году заявительнице была назначена пенсия по инвалидности, поскольку ей была установлена утрата трудоспособности 67 %.

В 2008 году поменялось законодательство, устанавливающее методологию оценки вреда здоровью на производстве, в результате чего заявительнице было установлено

40 % общего ограничения жизнедеятельности, и на этом основании пенсионный орган лишил её пенсии по инвалидности. Заявительница оспорила это решение в вышестоящий административный орган и в суд, однако оно было оставлено в силе с указанием на то, что в 2012 году ей назначено пересвидетельствование. В 2011 году заявительница прошла экспертизу, в результате которой ей была установлена 50-процентная степень инвалидности.

В 2012 году вступило в силу новое законодательство, которым система пенсий по инвалидности была заменена на систему пособий и которым были введены дополнительные критерии, относящиеся к длительности участия лица в системе социального страхования. Так, претендующие на пособие лица должны быть участниками системы социального страхования как минимум 1 095 дней за последние 5 лет, предшествовавших подаче заявления, либо не иметь перерывов в участии в системе социального страхования более 30 дней за весь рабочий стаж, или они должны уже являться получателями пенсии или пособия по инвалидности на дату 31 де-

⁵ ECtHR. *Bélané Nagy v. Hungary* [GC]. Application no. 53080/13. Judgment of 13 December 2016. Обзор подготовлен Анной Валентиновной Деменовой (e-mail: anndemeneva@gmail.com).

кабря 2011 года. Заявительница ни одному из этих условий не соответствовала, поэтому, несмотря на то что степень её инвалидности давала ей право на пособие по инвалидности в рамках новой системы, её заявления о назначении пенсии были отклонены и судебное обжалование к положительному результату не привело.

Итоговый вывод решения: утрата пенсии по инвалидности вследствие изменения законодательного регулирования нарушает статью 1 Протокола № 1 к Конвенции (9 голосов «за», 8 голосов «против»).

Мотивы решения. Большая Палата обосновала применение статьи 1 Протокола № 1 в данном деле, обращаясь сначала к общим принципам определения сферы действия этой статьи, затем к специальному вопросу её применения к отношениям в сфере социального страхования, в частности к пособиям по инвалидности. Далее Большая Палата рассмотрела условия вмешательства в право на беспрепятственное пользование своим имуществом применительно к обстоятельствам дела.

Общие принципы сферы действия статьи 1 Протокола № 1:

73. Концепция «имущества» для целей статьи 1 Протокола № 1 имеет автономное значение, которое не связано с формальной классификацией в национальном праве и не ограничено владением материальными вещами: некоторые другие права и интересы, образующие активы, могут рассматриваться в качестве имущественных прав и таким образом представлять собой собственность для целей этого положения (см. *Iatridis v. Greece* [GC], no. 31107/96, § 54, ECHR 1999-II; *Beyeler v. Italy* [GC], no. 33202/96, § 100, ECHR 2000-I; *Parrillo v. Italy* [GC], no. 46470/11, § 211, ECHR 2015).

74. Хотя статья 1 Протокола № 1 применяется только к существующему на данный момент имуществу и не создаёт права на приобретение имущества (см. *Stummer v. Austria* [GC], no. 37452/02, § 82, ECHR 2011), в определённых обстоятельствах «законное ожидание» получения имущественных активов может также пользоваться защитой статьи 1 Протокола № 1 (см., среди прочих источников, *Anheuser-Busch Inc. v. Portugal* [GC], no. 73049/01, § 65, ECHR 2007-1).

75. Законное ожидание должно представлять собой нечто более конкретное, чем просто

надежду на приобретение имущества, и должно основываться на норме закона или ином правовом акте, таком как судебное решение. <...>

<...>

77. В деле *Korecký* Большая Палата... <...> ...исходила из того, что, «если имущественный интерес представлен в виде права требования, он может рассматриваться как “актив” лишь тогда, когда обладает достаточной базой во внутреннем праве, например если он подтверждён устоявшейся судебной практикой» (см. *Korecký*, cited above, § 52).

Применение статьи 1 Протокола № 1 к отношениям в сфере социального обеспечения:

81. В тех правовых системах, где национальное законодательство предусматривает, что работники должны делать обязательные взносы в систему социального страхования, те лица, которые делали необходимые взносы и соответствуют установленным требованиям, имеют право на длительное социальное обеспечение на период инвалидности или до достижения пенсионного возраста. Подобные системы страхования, как правило, обязательны и обеспечивают такую защиту, как возможность получения пособия, на весь оставшийся период и в каждом случае, когда условия страхования соблюдены. В то же время соответствующие правовые критерии подвергаются изменениям. В связи с этим можно повторить, что в деле *Gaygusuz v. Austria* (16 September 1996, § 41, Reports of Judgments and Decisions 1996-IV) Суд установил, что право на социальное пособие, связанное со взносами в фонд страхования от безработицы, являлось — в той степени, в которой оно получило законодательное закрепление — имущественным правом для целей статьи 1 Протокола № 1. В деле *Klein v. Austria* (cited above, § 43) было отмечено, что право на социальное пособие, в данном случае на пенсию по системе пенсионного обеспечения юристов, было связано с выплатой взносов и, поскольку такие взносы выплачивались, в выплате отказано быть не может. Взносы в пенсионный фонд могут, таким образом, при определённых обстоятельствах и в соответствии с национальным правом создавать право собственности (см. *Kjartan Ásmundsson*, cited above, § 39; *Apostolakis v. Greece*, no. 39574/07, § 28 and 35, 22 October 2009; *Bellet, Huertas and Vialatte v. France* (dec.),

nos. 40832/98, 40833/98 and 40906/98, 27 April 1999; *Skórkiewicz v. Poland* (dec.), no. 39860/98, 1 June 1999; *Moskal v. Poland*, no. 10373/05, § 41, 15 September 2009).

82. Суд также пришёл к выводу, что статья I Протокола № 1 не налагает на государства обязательства создавать систему социального страхования, и государства самостоятельно принимают решение, создавать ли такую систему (см. *Sukhanov and Ilchenko v. Ukraine*, nos. 68385/10 and 71378/10, § 35–39, 26 June 2014; *Kolesnyk v. Ukraine* (dec.), no. 57116/10, § 83, 89 and 91, 3 June 2014; *Fakas v. Ukraine* (dec.), no. 4519/11, § 34, 37–43, 48, 3 June 2014). Однако, если государство такую систему создало, основанную или не основанную на системе взносов, такое законодательство должно рассматриваться как создающее имущественный интерес в соответствии со статьёй I Протокола № 1 для лиц, которые удовлетворяют установленным требованиям (см. *Stec and Others* (dec.), cited above, § 54).

<...>

84. Статья I Протокола № 1 сама по себе не гарантирует право на пенсию определённого размера (см. *Kjartan Ásmundsson*, cited above, § 39), хотя там, где размер пособия уменьшен или прекращены выплаты, это может составлять вмешательство в свободное владение имуществом, которое должно быть оправданным (см. *Valkov and Others v. Bulgaria*, nos. 2033/04, 19125/04, 19475/04, 19490/04, 19495/04, 19497/04, 24729/04, 171/05 and 2041/05, § 84, 25 October 2011; *Grudić v. Serbia*, no. 31925/08, § 72, 17 April 2012).

<...>

88. Тот факт, что лицо является участником системы социального страхования, с необходимостью не означает, что система не может претерпеть изменений, касающихся как условий для получения выплаты, так и размера пенсий и пособий (см., *mutatis mutandis*, *Carson and Others v. the United Kingdom* [GC], no. 42184/05, § 85–89, ECHR 2010; *Richardson*, cited above, § 17). <...>

<...>

93. В деле заявительницы система пособий по инвалидности и до изменений законодательства в 2012 году, и в настоящий период в основном основана на двух кумулятивных критериях: (i) состояние здоровья... и (ii) период уплаты взносов...

94. <...> ...С 2001 по 2009/2010 годы, то есть в течение почти 10 лет, заявительница удовлетворяла обоим критериям для выплаты пенсии по инвалидности (см. *Stec and Others* (dec.), cited above, § 51, цитируемое в § 80 выше). Решение, которым ей была назначена пенсия по закону 1997 года, может рассматриваться как «существующее имущество» (см. *Kopecký*, § 35(c)), и на основании этого акта она имела «законные ожидания» (там же, § 47), связанные с получением пособия по инвалидности, пока её инвалидность сохраняется...

<...>

99. <...> Изменение закона фактически требовало от некоторых категорий застрахованных лиц, включая заявительницу, соответствовать условиям, которые не были известны и предсказуемы в течение периода, когда ими уплачивались взносы по социальному страхованию, и которые они не смогли бы выполнить, когда новое законодательство вступило в силу. Такие обстоятельства вряд ли согласуются с принципами верховенства права и «реальной и эффективной», а не теоретической и иллюзорной защиты прав (см. *Perdigão v. Portugal* [GC], no. 24768/06, § 68, 16 November 2010). <...>

<...>

105. Суд повторно отмечает, что заявительница платила страховые взносы на обязательной основе и отвечала установленным требованиям для назначения пособия. Суд признал, что взносы в пенсионный фонд могут при определённых обстоятельствах и в соответствии с национальным правом составлять имущество для целей статьи I Протокола № 1 (см. § 81 и 83 выше), и отмечает, что такие обстоятельства существовали в данном деле в свете того факта, что на момент назначения заявительнице пенсии в апреле 2001 года её страховые взносы были признаны достаточными для назначения пенсии. Следовательно, она могла полагаться на обещание законодательства, что у неё будет право на пособие по инвалидности, пока инвалидность сохраняется.

Вмешательство в беспрепятственное пользование имуществом:

113. Более того, любое вмешательство властей в беспрепятственное пользование имуществом может быть оправданно, только если оно осуществляется в охраняемых законом целях. Из-за непосредственной осведом-

лённости о нуждах своего общества национальные власти в принципе находятся в лучшем положении, нежели судья международного органа, для определения того, что является общественным интересом. В соответствии с системой защиты, установленной Конвенцией, именно национальные власти осуществляют первоначальную оценку насущной общественной потребности, требующей принятия мер, связанных с вмешательством в беспрепятственное пользование имуществом. <...> Суд считает естественным, что свобода усмотрения, которой пользуются национальные законодательные органы при проведении социальной и экономической политики, является достаточно широкой, и Суд признаёт право национальных властей определять общественный интерес самостоятельно до тех пор, пока не будет установлено, что такое определение не имеет под собой разумных и аргументированных оснований (см., *mutatis mutandis*, *The former King of Greece and Others v. Greece* [GC], no. 25701/94, § 87, ECHR 2000-XII; *Wieczorek*, cited above, § 59; *Frimu and Others v. Romania* (dec.), nos. 45312/11, 45581/11, 45583/11, 45587/1 and 45588/11, § 40, 7 February 2012; *Panfile v. Roumania* (dec.), no. 13902/11, 20 March 2012, и *Gogtidze and Others v. Georgia*, no. 36862/05, § 96, 12 May 2015).

<...>

115. Кроме того, статья 1 Протокола № 1 требует, чтобы любое вмешательство было пропорционально преследуемым целям (см. *Jahn and Others v. Germany* [GC], nos. 46720/99, 72203/01 and 72552/01, § 81–94, ECHR 2005 - VI). Требуемый справедливый баланс не будет достигнут, если на лицо возлагается индивидуальное и чрезмерное бремя (см. *Sporrong and Lönnroth v. Sweden*, 23 September 1982, § 69–74, Series A no. 52; *Kjartan Ásmundsson*, cited above, § 45; *Sargsyan*, cited above, § 241; *Maggio and Others*, cited above, § 63; *Stefanetti and Others*, cited above, § 66).

<...>

117. ...Полное лишение пенсии с высокой степенью вероятности будет нарушать положения статьи 1 Протокола № 1, и, наоборот, оправданное уменьшение размера пособия, вероятно, такого баланса нарушать не будет. Однако проверка того, соблюден ли справедливый баланс, не может основываться просто на абстрактном размере суммы, на которую

уменьшилось пособие. <...> При даче оценки тому, был ли соблюден справедливый баланс, Суд ранее придавал значение таким факторам, как дискриминационная природа утраты права на пособие (см. *Kjartan Ásmundsson*, cited above, § 43), отсутствие промежуточных мер (см. *Moskal*, cited above, § 74...), произвольный характер условий (см. *Klein*, cited above, § 46), а также добросовестность заявителя (см. *Moskal*, cited above, § 44).

<...>

120. В рассматриваемом деле вмешательство состояло в принятии нового законодательства и его применении к ситуации заявителя. Исходя из этого, Суд приходит к выводу, что вмешательство основывалось на законе.

121. Суд полагает, что вмешательство преследовало общественно значимые цели — рационализацию системы пособий по инвалидности.

<...>

123. ...Заявительница была полностью лишена права на пособие, а не подвергнута его уменьшению... соразмерному с количеством недостающих ей дней в периоде социального страхования (см. *Kjartan Ásmundsson*, § 44–45; *Lakičević*, § 72; *a contrario*, *Richardson*, § 24; *Wieczorek*, § 71, all cited above), с учётом того, что период её социального страхования был всего лишь на 148 дней меньше, чем требуемый срок. Этот момент имеет особое значение, поскольку у неё не было иного существенного заработка, поддерживающего её существование (см. § 25 выше; также ср. с *Kjartan Ásmundsson*, cited above, § 44), она испытывала очевидные трудности в устройстве на работу и принадлежала к уязвимой категории людей с инвалидностью (см. *Alajos Kiss v. Hungary*, no. 38832/06, § 42, 20 May 2010). <...>

124. ...Суд приходит к выводу, что обсуждаемая мера, хотя и была направлена на защиту государственных бюджетных средств путём рационализации системы пособий по инвалидности, всё же представляла собой введение в действие нового законодательства, которое в рассматриваемых обстоятельствах не позволяло установить справедливый баланс частных и общественных интересов. Необходимость рационального использования средств, с точки зрения Суда, не является оправданием для принятия закона с ретроспективным эффектом и без каких-либо переходных мер (см. *Moskal*, cited above, § 74 and 76; см. также ре-

шение Суда Европейского Союза, к которому отсылает постановление по делу *Baka v. Hungary* [GC], по. 20261/12, § 69, 23 June 2016), когда применение нового закона повлекло за собой полное лишение заявительницы «законного ожидания», что она будет получать пособие по инвалидности. Такое серьёзное вмешательство не согласуется с сохранением справедливого баланса между частными и общественными интересами (см., *mutatis mutandis*, *Pressos Compania Naviera S.A. and Others*, cited above, § 43).

Акты международного права, использованные в Постановлении: Европейская социальная хартия 1995 года; Европейский кодекс социального обеспечения 1964 года; Конвенция ООН о правах инвалидов 2006 года; Конвенция МОТ № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения» 1952 года; Конвенция МОТ № 128 «О пособиях по инвалидности, по старости и по случаю потери кормильца» 1967 года; Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья 2001 года; Всеобщая декларация прав человека 1948 года; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года; Хартия Европейского Союза об основных правах 2000 года.

Совпадающие мнения: совместное совпадающее мнение представили судьи Ангелика Нуссбергер (Германия), Пяйви Хирвеля (Финляндия), Лэди Бьянку (Албания), Ганна Юдживска (Украина), Эрик Мозе (Норвегия), Пол Леменс (Бельгия), Шифра О'Лири (Ирландия).

Особое мнение представил судья Кшишков Войтишек (Польша).

Библиографическое описание:

Европейский Суд по правам человека: обзор избранных постановлений за 2016 год // Международное правосудие. 2017. № 1(21). С. 25–44.

European Court of Human Rights: review of selected judgments in 2016

Abstract

Mezhdunarodnoe pravosudie Journal introduces a section containing reviews of the European Court of Human Rights judgments of particular importance for the Russian legal system. For the first issue of the year, the Journal has selected five judgments adopted by the Court in 2016. First review deals with the judgment in the case of *Wenner v. Germany* on the prohibition of inhumane or degrading treatment or punishment in the context of medical treatment in prisons. The next review deals with *Žaja v. Croatia* judgment relating to inconsistent interpretation of the obligations of persons under Croatian customs regulations. Then, in the *Irina Smirnova v. Ukraine* judgment the Court dealt with the question whether harassment of the occupant of a flat by the co-owners can rise to the level of Article 3 of the European Convention of Human Rights violation and violate the right to respect for private and family life, while in judgment of *Magyar Helsinki Bizottság v. Hungary* the Grand Chamber looked into whether the right of access to State-held information might be crucial for the protection of the freedom of expression. Finally, in the *Bélané Nagy v. Hungary* judgment the Grand Chamber answered the question whether depriving a person of disability benefits as a result of the introduction of a new law is contrary to Article 1 of the Protocol No. 1.

Keywords

medical assistance; inhuman or degrading treatment; no punishment without law; foreseeability of the law; respect for private life; domestic violence; access to information; peaceful enjoyment of possessions; social payments and benefits.

Citation

(2017) Evropeyskiy Sud po pravam cheloveka: obzor izbrannykh postanovleniy 2016 goda [European Court of Human Rights: review of selected judgments in 2016]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 1, pp. 25–44. (In Russian).